

«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» как источник по истории раннего христианства

Павел Н. Лебедев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lebedevp235@gmail.com*

Аннотация. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» являются во многих отношениях уникальным источником по истории раннего христианства. Уникален он не только по содержанию и композиции, но и по сложности вопросов, связанных с его базовыми характеристиками как источника. В зарубежной историографии существует длительная дискуссия о времени создания, соотношении различных вариантов текста памятника между собой, оригинальном языке написания, авторстве и ряде других принципиальных вопросов. В отечественной же литературе памятник находится до сих пор на периферии внимания, и его научный потенциал остается не раскрытым в полной мере. В настоящей статье предлагаются обзор существующих дискуссий о природе этого ранне-христианского текста и варианты решения источниковедческих проблем, связанных с его изучением.

Автор доказывает, что памятник содержит аутентичные записи мучеников Перпетуи и Сатура, погибших вместе со своими товарищами в Карфагене в начале III в., свидетельства очевидца их казни, а также написанные неизвестным автором вводный и заключительный тексты. Также в статье рассматриваются вопросы о перспективах изучения текста с точки зрения истории взаимоотношений христианства и Римской империи, эволюции христианского вероучения и представлений о мученичестве, гендерных исследований.

Ключевые слова: мученичество, Перпетуя, Фелицитата, страсти, раннее христианство, Римская империя

Для цитирования: Лебедев П.Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» как источник по истории раннего христианства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 32–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-32-47

“Passio Perpetuae et Felicitatis” as a historical source on the history of early Christianity

Pavel N. Lebedev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lebedevp235@gmail.com*

Abstract. “The Passion of Saints Perpetua and Felicity” is in many ways a unique source on the history of early Christianity and the Roman Empire. Its uniqueness is evident not only in the structure of the text or its content but also in the complexity of issues related to its main characteristics as a historical source. The issues of dating, the interrelation of different versions of the text, original language, authorship and many others for a long time remain a matter of debate in foreign historiography. But in Russian historiography that martyrdom is still on the periphery of attention, and its scientific potential remains not fully disclosed. The paper provides an overview of the existing discussions about the nature of that early Christian text and solutions to the source issues associated with its study.

The author proves that the “The Passion of Saints Perpetua and Felicity” has a quadripartite structure: authentic records of the martyrs Perpetua and Saturus, who died together with their comrades in Carthage at the beginning of the 3rd century, the eyewitness testimony of their execution, as well as a prologue and epilogue written by the unknown compiler. The paper also considers the perspectives for studying the text in the context of the relationship between the Christianity and the Roman Empire, in the course of the evolution of Christian thought, and through the prism of gender studies.

Keywords: martyrdom, Perpetua, Felicitas, passions, early Christianity, Roman Empire

For citation: Lebedev, P.N. (2022), “ ‘Passio Perpetuae et Felicitatis’ as a historical source on the history of early Christianity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 32–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-32-47

Введение

«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» (далее – «Страсти»), созданные вскоре после мученической смерти группы христиан в Карфагене в 203 г. н. э., относятся к числу самых ранних христианских текстов, подробно повествующих о гибели мучеников. Уникальность этого памятника определяется как тем, что в нем нашли отражение складывающиеся во II – начале III в.

представления о христианском мученичестве, загробной жизни, пророческом даре и многих других важных для первых христиан вопросах, так и его сложной жанровой природой, многоуровневой структурой и большой популярностью, которую культ Перпетуи приобрел в поздней античности. В 2021 г. даже увидело свет специальное хрестоматийное издание, целиком посвященное проблеме восприятия текста «Страстей» в период III–VIII вв. [Cobb 2021]. Особый интерес представляет то, что центральную роль в тексте играют собственные записи христианки Перпетуи, так что перед нами еще и единственный письменный прозаический текст, созданный женщиной в античности и сохранившийся до настоящего времени. Таким образом, повествование Перпетуи открывает редкую возможность увидеть римский мир и мир раннего христианства глазами женщины.

При всех отмеченных выше обстоятельствах «Страсти» оказались обделены вниманием в русскоязычных исследованиях, что особенно удивительно на фоне бескрайнего моря посвященных им работ в зарубежной историографии. Помимо сопровождаемого кратким историческим комментарием ознакомительного перевода латинской версии памятника, выполненного А.Д. Пантелеевым для сборника раннехристианских мученичеств, можно указать диссертацию А.Н. Крюковой о поэтике сновидений в раннехристианской литературе, в которой «Страсти» выступают одним из источников, посвященную столкновению христианских и римских семейных ценностей статью Е.В. Сергеевой, а также статью автора настоящей работы по проблеме историчности антихристианского эдикта Септимия Севера [Крюкова 2013; Сергеева 2013; Пантелеев 2017; Лебедев 2021]. В данной же статье хотелось бы представить общий анализ «Страстей» как источника по истории раннего христианства, рассмотреть существующие в историографии дискуссии по поводу основных характеристик памятника и поделиться некоторыми итогами коллективного исследовательского проекта, в рамках которого готовится критическое издание с переводом латинского и греческого текста «Страстей» и подробным научным комментарием (подробнее о проекте см. раздел «Благодарности» в конце статьи).

Исторический контекст, время и место мученичества

Историчность событий мученичества Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников в историографии никем не оспаривается, поскольку в тексте «Страстей» упоминаются достоверные исторические

реалии из жизни римской Северной Африки начала III в., описываемые события вполне вписываются в исторический контекст, существуют близкие по времени эпиграфические и археологические подтверждения почитания погибших мучеников в Карфагене. Содержание видений Перпетуи, которые описываются в «Страстях», было знакомо современнику – крупному североафриканскому богослову Тертуллиану, который прямо ссылается на одно из них в сочинении «О душе» (ок. 206–209 гг.) для подтверждения своих взглядов на посмертную участь мучеников (Tert. De anim. 55.4).

В тексте «Страстей» есть ряд указаний, позволяющих с достаточной уверенностью датировать казнь мучеников [Heffernan 2012, р. 60–68]. Год можно установить на основе информации о том, что допрос мучеников проводил «Гилариан, прокуратор, который принял тогда право меча вместо умершего проконсула Минуция Тиминиана» (Pass. Perp. 6.3). Оба указанных римских должностных лица известны также по другим источникам, и поскольку Минуций Опимиан (искажившийся в Тиминиана в латинской версии памятника и в Оппиана – в греческой) был проконсулом в Африке в 202/203 гг., то временное исполнение обязанностей проконсула Гиларианом должно приходиться на 203 г. В «Страстях» говорится, что казнь мучеников состоялась «во время игр, устраиваемых войском по случаю дня рождения Цезаря Геты» (Pass. Perp. 7.9), т. е. младшего сына императора Септимия Севера – Публия Септимия Геты. В 202–203 гг. должна была состояться поездка императора по римской Северной Африке, откуда он был родом, и археологические, эпиграфические и нумизматические источники демонстрируют происходившие в это время значительные работы по благоустройству городов и подготовке к встрече императора и его семьи [Tabbernee 2007, р. 187]. Весьма вероятно, что в атмосфере всеобщего воодушевления перед встречей ставшего императором местного уроженца и сопутствующей щедрой императорской благотворительности христиане, отказывавшиеся участвовать в непременно сопровождавших эту активность культовых мероприятиях, могли вызывать острое недовольство и стать жертвами преследований со стороны местных жителей и властей. При этом, на наш взгляд, нет достаточных оснований для предположения об издании Септимием Севером специального эдикта, направленного против обращения в христианство, который упоминается в крайне ненадежном источнике конца IV в. – «Истории Августов» (известном также как «Писатели истории Августов», “Scriptores Historiae Augustae”; SHA Sept. Sev. 17.1) [Лебедев 2021, с. 102–103]. Против этого как минимум свидетельствует то, что живший в это время в Карфагене Тертуллиан положительно высказывается о Септимии

Севере и не упоминает ни о каких репрессивных действиях со стороны императора (Tert. Ad Scap. 4.5–6). Ничего не добавляя к версии о существовании эдикта и сами «Страсти»: прокуратор Гилариан на допросе не интересуется тем, как и при каких обстоятельствах задержанные приняли христианство, устанавливая лишь сам факт принадлежности к нему (Pass. Perp. 6.3–4), и гонениям не подвергаются другие упомянутые в памятнике христиане и конкретно катехумены («оглашенные», т. е. готовящиеся принять крещение и стать членами церкви; Pass. Perp. 3.7, 9.1, 16.4, 20.10).

Относительно места действия мученичества в историографии существуют расхождения, так как в заглавии памятника в ряде сохранившихся рукописей оно нигде не указывается прямо, а в другой части рукописей (в том числе единственной, где сохранился греческий текст) называется небольшой город в окрестностях Карфагена – Тубурбон Малый (Thuburbo Minus). На этом основании часть исследователей считают этот город местом ареста катехуменов и местом проживания семейства Вибиев, к которому принадлежала Перпетуя [Amat 1996, p. 22; Bremmer 2017, p. 387, 425–426]. Однако ряд обстоятельств истории мучеников указывает, скорее, на развитие событий в обстановке крупного многонаселенного города. Прежде всего, практически невероятной представляется возможность наличия в небольшом поселении начала III в. столь большой христианской общины, чтобы в ней могли возникнуть противоборствующие фракции (Pass. Perp. 13.6) и нашлось бы достаточно христиан, чтобы оказывать действенную помощь задержанным единоверцам и постоянно навещать их (Pass. Perp. 9.1, 16.4). Сомнения вызывает и разногласие в рукописях относительно названия поселения (без издательских исправлений чаще встречается не Thuburbo, а Turbitana без дополнительного определения Minus), и отсутствие этих сведений в лучших рукописях – из монастыря Монте-Кассино и Амброзианской библиотеки. Исходя из этих соображений, местом действия основной части истории мученичества Перпетуи и ее товарищей (и точно – местом казни) следует признать Карфаген [Tabbernee 2007, p. 64; Heffernan 2012, p. 138; Heffernan 2016, p. 126–151; Cobb 2021, p. 12–13].

Рукописная традиция и версии текста

В середине XVII в. Лукас Холстен, библиотекарь кардинала Франческо Барберини, обнаружил в бенедиктинском монастыре Монте-Кассино в Южной Италии рукопись последней трети

XI в., содержащую наиболее полный латинский текст «Страстей» и признаваемую в современных критических изданиях лучшей [Amat 1996, p. 85, 91 et pass.; Heffernan 2012, p. XII, 81, 100 et pass.]. Памятник был издан уже после смерти Холстена в 1663 г. под заглавием “*Passio sanctarum martyrum Perpetuae et Felicitatis*”, так что в обширной зарубежной литературе и немногочисленных посвященных «Страстям» отечественных работах часто используется краткое название “*The Passion of Perpetua and Felicitas*”, «Страсти Перпетуи и Фелицитаты». Однако в сохранившихся девяти латинских рукописях и единственной греческой, обнаруженной Дж.Р. Харрисом в 1889 г. в библиотеке монастыря Гроба Господня в Иерусалиме, фигурируют различные варианты написания заглавия текста. Например, в рукописи XII в. из Айнзидельнского аббатства в Швейцарии в заглавии перечислены четверо мучеников, и на первый план выдвинуты мужчины Ревокат и Сатурнин – “*Passio sanctorum Revocati Saturnini Perpetuae et Felicitatis*”. Греческий текст иерусалимской рукописи начинается со слов «Мученичество святой Перпетуи и с ней скончавшихся...» (Μαρτύριον τῆς ἁγίας Περπετούας καὶ τῶν σὺν αὐτῇ τελειωθέντων). В итоге в настоящей статье был принят расширенный вариант названия, содержащий указание как на двух наиболее выдающихся героинь произведения, так и в какой-то мере на всю группу мучеников.

С момента обнаружения иерусалимской рукописи в историографии разгорелся спор о соотношении латинской и греческой версий памятника. В настоящее время большинство исследователей признают первичным именно латинский текст, так как в нем в большей степени проявляется разница в стиле и синтаксисе авторов различных частей памятника, тогда как греческий текст более однородный в стилистическом отношении и более аккуратный в богословских интерпретациях [Kitzler 2015, p. 23–29; Heffernan 2012, p. 66–67, 79–99; Shaw 2020, p. 310–318; Cobb 2021, p. 8–10]. Эти обстоятельства вместе с рядом нюансов, связанных с передачей в греческом отдельных слов и словосочетаний (например, теряется часть тонкостей, связанных с конкретными реалиями из жизни римской Африки, римской военной организацией и правовой системой и т. д.), указывает на переводной характер и более позднюю дату создания греческого варианта. Вероятно, латинская версия была составлена вскоре после событий мученичества в 206–209 гг., так как сочинение Тертуллиана, в котором он ссылается на видение Перпетуи, датируется этим периодом. При этом текст, с которого был сделан греческий перевод, судя по ряду более точных указаний в греческом (например, приводятся сведения о конкретном городе, где происходили события, дается более точное написание

имени умершего недавно проконсула и т. д.), мог отличаться от того варианта, который сохранился в рукописи из Монте-Кассино [Amat 1996, p. 65–66; Bremmer 2017, p. 354]. Данное обстоятельство требует внимательного отношения к греческому тексту, который, таким образом, может не только использоваться для изучения истории интерпретации содержания «Страстей», но и прояснять вызывающие затруднения места в латинском тексте или даже помогать восстанавливать более точный текст. Необходимо также заметить, что в историографии высказывались гипотезы о том, что отдельные части памятника могли быть написаны в оригинале на греческом (записи Перпетуи и/или записи Сатура) [Fridh 1968, p. 82; Bowersock 1995, p. 535–536; Barnes 2010, p. 71]. Однако в случае с записями Перпетуи сильнейшим контраргументом против подобного предположения являются соображения, связанные с лексическими особенностями, нюансами стиля и синтаксиса, которые ярко выражены в латинском тексте, но в значительной степени нивелированы в греческом [Amat 1996, p. 58–59, 70–71]. В отношении же записей Сатура подобная гипотеза сталкивается с трудноразрешимой проблемой, так как в его видении есть прямое замечание, что Перпетуя беседует с представителями африканского клира «по-гречески» (Graeci; Pass. Perp. 13.4) [Cobb 2021, p. 8–9].

Относительно времени создания греческой версии текста в историографии нет единства мнений. Т. Хеффернан основывается на том, что в греческом отсутствует упоминание об играх в честь императора Геты (Pass. Perp. 7.9), что могло быть следствием действия введенного Каракаллой в 212 г. и прекращенного при Гелиогабале в 219 г. «проклятия памяти» (*damnatio memoriae*) Геты [Heffernan 2012, p. 87]. Однако это основание для датировки представляется сомнительным, так как исходит из предположения о строгом соблюдении буквы закона в текстах, предназначенных для распространения в христианском сообществе, принадлежность к которому сама по себе со времен рескрипта Траяна признавалась в Римской империи преступной (Plin. Ep. 10.97). Б. Шоу, с одной стороны, осторожно предполагает возможность появления греческого перевода в первые десятилетия после мученичества, с другой стороны, больше склоняется к признанию значительно более поздней даты – начала VI в., связывая популяризацию африканских мучеников с политикой константинопольского двора по укреплению позиций в Северной Африке и борьбой с арианством [Shaw 2020, p. 324, 343]. Однако, поскольку нельзя отрицать распространения почитания Перпетуи на грекоязычном востоке Римской империи к середине IV в., вполне убедительным представляется мнение П. Китцлера о том, что перевод к тому времени уже должен был давно суще-

ствовать, так что дистанция от латинского оригинала не должна быть слишком большой [Kitzler 2015, p. 27, 77–78]. Более того, на наш взгляд, характер расхождений между латинским и греческим текстом не производит впечатления радикальной богословской реинтерпретации (особенно – в написанных явным приверженцем идей нового пророчества прологе и эпилоге к «Страстям»). Подобную догматическую редакцию можно было бы ожидать в V–VI вв., когда происходили гонения против сторонников движения нового пророчества (по имени пророка Монтана из Фригии его также обозначают как «монтанизм»).

По мнению Я. Бреммера, поддержанному также Л.С. Кобб, греческий текст мог появиться вскоре после 260 г., когда гонения против христиан при Валериане усилили интерес к мученичеству Перпетуи и ее товарищей [Bremmer 2017, p. 354; Cobb 2021, p. 43–44]. В иерусалимской рукописи событие мученичества в заглавии ошибочно связывается именно с гонением, «случившемся при Валериане и Галлиене» (Ἐπὶ Οὐαλερίανου καὶ Γαλιηνοῦ διωγμὸς ἐγένετο), т. е. в 257–260 гг., но это обстоятельство, как было справедливо замечено П. Китцлером, может рассматриваться только как *terminus ante quem* [Kitzler 2015, p. 27, n. 118]. Более того, двойное запутанное заглавие в греческой рукописи могло появиться позднее, чем был создан сам перевод, так что 260 год не может выступать и в роли надежного ограничителя нижней границы. Таким образом, более предпочтительной представляется датировка греческого варианта текста, представленного в иерусалимской рукописи, концом III в., что, однако, нуждается в дальнейшем обосновании и не исключает как более раннего распространения истории «Страстей» в каком-либо ином виде на греческом языке, так и вероятности более позднего происхождения данного перевода.

В Средние века значительно большую популярность, чем сами «Страсти», получили два созданных в IV–V вв. латиноязычных текста, традиционно обозначаемых в историографии как «Акты Перпетуи и Фелицитаты» (версии А и В; далее – «Акты»). Они сохранились в 89 рукописях и представляют события мученичества в сокращенном и видоизмененном изложении. В «Актах» существенно расширены сцены допроса мучеников и гораздо меньше внимания уделяется видениям героев. Более того, именно в этих более поздних вариантах истории мученичества заметна существенная догматическая редакция: исчезают неортодоксальные пролог и эпилог, полностью удаляются видения Сатура и то видение Перпетуи, в котором она с помощью молитвы улучшает посмертную участь своего скончавшегося ранее брата Динократа, центральную роль в повествовании играет мужчина – наставник

катехуменов Сатур, Перпетуя лишается активной функции в тексте и в значительной мере теряет свою индивидуальность и т. д. [Kitzler 2015, p. 107–109].

Структура памятника и проблема авторства

«Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» являются уникальным памятником по своей композиции, поскольку представляют собой сложный многоавторский текст. В состав памятника входят несколько ясно отделяемых друг от друга частей, среди которых прямо обозначаются в тексте собственноручные записи Перпетуи в 3–10 главах («Дальше уже пойдет ее собственное изложение всего мученичества по порядку, каким она сама его оставила, записав собственноручно и по своему разумению», Pass. Perp. 2.3) и запись видения наставника мучеников Сатура в 11–13 главах («Но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное», Pass. Perp. 11.1). В конце записей Перпетуи есть пожелание, чтобы кто-нибудь из христиан закончил ее историю, описав произошедшее на арене амфитеатра (Pass. Perp. 10.15). Это пожелание было исполнено, так что последующие события представлены в 14–21 главах в изложении оставшегося анонимным рассказчика-очевидца. Вероятно, он же предпослал записям самих мучеников несколько вступительных предложений во 2-й главе, в которых перечислил схваченных катехуменов и представил саму Перпетую, сказав о ее возрасте, семье, достойном образовании и положении в обществе. При этом в начале 1-й главы и в конце 21-й выделяются отличные от слов рассказчика по лексике, стилю и содержанию богословские и дидактические пролог и эпилог, которые явно были предназначены для чтения о подвиге мучеников в церкви.

Традиционно рассказчика-очевидца и автора пролога и эпилога большинство исследователей считают одним лицом [Крюкова 2013, с. 44; Kitzler 2015, p. 7, 20; Пантелеев 2017, с. 241–242; Gold 2018, p. 15; Cobb 2021, p. 2], хотя нам это представляется крайне спорным решением. Автор одного из наиболее основательных современных критических изданий «Страстей» Т. Хеффернан, с одной стороны, в разделе введения, посвященном вопросу о редакторе памятника, уверенно заключает, что пролог – работа редактора, «который написал главы 1, 2 и с 15 по 21» [Heffernan 2012, p. 8–17]. С другой стороны, в самом начале введения этот же автор осторожно замечает, что «Страсти» могут иметь не 3-частную, а 4-частную структуру, а в очерке, предвещающем комментарий ко 2-й главе, указывается,

что язык здесь по сравнению с прологом отличается более простым синтаксисом, иной лексикой, меньшим вниманием к богословской проблематике [Heffernan 2012, p. 3, 147]. По мнению автора французского критического издания Ж. Ама, можно как предполагать то, что один редактор имел достаточную риторическую подготовку, чтобы написать отдельные части текста в очень разном стиле, так и предполагать участие двух человек, один из которых более простым языком описал события на арене, а другой – обладающий более глубокой богословской подготовкой – обрамил текст торжественными риторическими прологом и эпилогом [Amat 1996, p. 77–78].

Поскольку одной из ключевых идей пролога и эпилога является возможность получения новых божественных откровений (что в тексте далее иллюстрируют четыре видения Перпетуи и видение Сатура), ряд исследователей считали возможным редактором текста известного североафриканского богослова Тертуллиана, который приблизительно в 210–211 гг. стал активным сторонником движения нового пророчества [Butler 2006, p. 244–245; Farina 2008, p. 26]. Хотя в современной историографии гипотеза об авторстве Тертуллиана большинством авторов отвергнута как по соображениям, связанным с языком и стилем, так и по расхождению концептуального свойства, вполне вероятно, что автор пролога и эпилога к «Страстям» мог находиться под влиянием его идей и риторики или даже принадлежать к числу учеников и последователей [Amat 1996, p. 67–69, 77; Heffernan 2012, p. 17; Kitzler 2015, p. 18–19]. При этом, на наш взгляд, следует с особой осторожностью рассуждать о связи героев и авторов «Страстей» или даже самого Тертуллиана с так называемым «монтанизмом», потому что во II–III вв. многим течениям в христианстве были присущи те идеи и особенности, которые позже были ассоциированы с конкретной ересью: большое внимание к видениям и откровениям, получаемым от Святого Духа, значительная роль женщин в общине, глубокий интерес к эсхатологии и т. д. [Trevett 1996, p. 177–178; Tabbernee 2007, p. 65; Пантелеев 2017, с. 242–243]. В рассматриваемый период чаще всего не существовало жестких граней между приверженцами разных течений в христианстве, между ортодоксией и тем, что в результате церковной борьбы позже будет названо ересью, так что более корректно говорить о множественности христианских идентичностей, не исключавших одна другую.

Продолжая разговор о структуре памятника, следует подчеркнуть, что основную роль в «Страстях» играют записи Перпетуи и Сатура, о которых рассказчик особо замечает, что приводится их аутентичный текст («далее уже пойдет ее собственное изложение всего мученичества по порядку, каким она сама его оставила, запи-

сав собственноручно и по своему разумению» Pass. Перр. 2.3, «но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное» Pass. Перр. 11.1). Вопрос о достоверности этих утверждений представляет особую сложность для исследователей, так что на нем следует остановиться подробнее. С одной стороны, памятник, несомненно, подвергался редактуре и обработке при составлении, так что есть все основания предполагать наличие в тексте внешних композиционных решений и интерполяций: например, композиционных сбоев в области 14–16 глав, уточняющих вставок в 3.1, 4.5, 11.2 и т. д. Согласно гипотезе Н.В. Брагинской, причиной сбоев может быть работа еще одного редактора-составителя, который на каком-то этапе дополнил историю мученичества рассказом о Секундуле и Фелицитате (Pass. Перр. 14.2–15.7), написал вступительные предложения во 2-й главе и ряд уточняющих пояснений в других местах.

Однако при всем этом у нас нет оснований отказывать содержанию записей Перпетуи и Сатура в подлинности, с чем согласно большинство современных исследователей [Amat 1996, p. 70–75; Heffernan 2012, p. 5–8; Gonzalez 2014, p. 14, 18; Kitzler 2015, p. 21–22; Пантелеев 2017, с. 240; Bremmer 2017, p. 355; Gold 2018, p. 13–18]. Из множества аргументов в поддержку этого мнения приведем ниже лишь наиболее значительные. Во-первых, обе эти части текста в стилистическом отношении различаются между собой и существенно отличаются от повествования рассказчика и пролога с эпилогом. Во-вторых, крайне маловероятной является фальсификация аутентичных записей в памятнике, который был создан вскоре после событий мученичества и предназначен для публичного чтения в аудитории, включавшей современников и очевидцев событий (Pass. Перр. 1.1, 5–6; отдельно можно вспомнить и Тертуллиана, который был знаком с историей Перпетуи). Это обстоятельство особенно важно с учетом численности христианской общины в Карфагене, которая, вероятно, не превышала 1,5–2 тысяч человек [Лебедев 2021, с. 99]. В-третьих, записи Перпетуи содержат глубоко личные переживания (которые, например, практически полностью исчезают в «Актах») и много специфических тем, которые больше не встречаются в раннехристианской литературе. Например, мученица беспокоится о своем грудном ребенке и его кормлении, переживает из-за возможного воспаления груди (Pass. Перр. 3.8–9, 6.7–8). В античной литературе за пределами медицинских текстов детали грудного вскармливания и его опасности больше нигде не обсуждаются.

Хотя можно в какой-то мере согласиться с Л.С. Кобб в том, что абсолютной уверенности в том, что в тексте «Страстей» сохранились в точности оригинальные собственноручно сделанные записи

Перпетуи и Сатура, мы получить не можем [Cobb 2021, р. 6–8], доводить этот скептицизм до предела тоже не следует. Может ли тогда быть в принципе хоть в чем-то уверен историк, работающий с отстоящим от него на несколько тысячелетий материалом? Значительно более конструктивно просто учитывать при работе с памятником то, что перед нами текст, имеющий сложный генезис и длинную рукописную историю, так что и в представленных в них записях мучеников возможны искажения.

Заключение

Как было показано выше, «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» являются уникальным историческим источником, позволяющим как реконструировать историко-культурный контекст преследований христиан в Северной Африке и особенности повседневной жизни римской провинции на рубеже II–III вв., так и исследовать различные аспекты эволюции христианского учения – и непосредственно феномен мученичества в раннем христианстве, и развитие представлений о загробной участи, пророческом даре, отношениях внутри церковной общины и о многом другом. Сохранившиеся в составе памятника записи мучеников Перпетуи и Сатура, свидетельства очевидца их смерти и представленное возможным редактором памятника богословское истолкование мученического опыта обуславливают огромную ценность «Страстей» для исследователей, давая возможность услышать подлинное многоголосие раннего христианства. А в силу того, что женским персонажам, женской субъектности, опыту материнства в «Страстях» отводится особая роль, изучение этого памятника открывает большие перспективы и привлекает огромный интерес в рамках гендерных исследований.

Следует признать, что существующие в историографии многолетние дискуссии по вопросу о соотношении между собой различных версий текста памятника, о его структуре и жанровой специфике, о месте ареста и казни мучеников, об уровне образования главной героини, об отношении героев мученичества и редактора (или редакторов) памятника к движению нового пророчества и о многих других сюжетах далеки от завершения. Изучение «Страстей» сопряжено с решением широкого круга проблем религиозного, богословского, историко-культурного, литературоведческого и текстологического характера, так что требует применения мультидисциплинарных подходов, объединения усилий специалистов по древней истории, классической филологии, христианской и иудейской теологии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44147.

Автор выражает глубокую благодарность участникам исследовательского семинара «Дневники христианских мучеников» под руководством Н.В. Брагинской и А.И. Шмаиной-Великановой на базе проекта «Лаборатория ненужных вещей» в Независимом московском университете, в котором также принимают участие А.Н. Грешных, С.Н. Давидоглу, М.С. Касьян, Т.А. Михайлова, В.В. Степанов, С.В. Федорова, О.И. Ярошевская. Значительная часть наблюдений в настоящей статье является результатом многолетней коллективной работы на семинаре.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44147. The author expresses gratitude to the supervisors of the research seminar “Stories of early Christian martyrs” under research supervision of N.V. Braginskaya and A.I. Shmaina-Velikanova on the basis of the project “Laboratory of Unnecessary Things” at the Independent Moscow University – and to all members of the seminar: A.N. Greshnykh, S.N. Davidoglu, M.S. Kasian, T.A. Mikhailova, V.V. Stepanov, S.V. Fedorova, O.I. Iaroshevskaya. A significant part of the observation in the article is the result of years of collective work at the seminar.

Литература

- Крюкова 2013 – Крюкова А.Н. Поэтика сновидений в раннехристианской литературе: на материале «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичества Мариана и Иакова» и «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников»: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 181 с.
- Лебедев 2021 – Лебедев П.Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимии Севере // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 104–112.
- Пантелеев 2017 – Пантелеев А.Д. Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты // Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Под ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. С. 209–244.
- Сергеева 2013 – Сергеева Е.В. Конфликт идентичностей в «Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 37–53.
- Amat 1996 – Amat J. Introduction // Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes / Introd., texte critique, trad., comment. J. Amat. Paris: Les éditions du Cerf, 1996. P. 19–94.

- Barnes 2010 – *Barnes T.D.* Early Christian Hagiography and Roman History. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 437 p.
- Bowersock 1995 – *Bowersock G.* Martyrdom and Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 106 p.
- Bremmer 2017 – *Bremmer J.* Maidens, Magic and Martyrs in Early Christianity: Collected Essays I. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 501 p.
- Butler 2006 – *Butler R.* The New Prophecy and “New Visions”: Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas. Washington (DC): Catholic University of America Press, 2006. 211 p.
- Cobb 2021 – *Cobb L.S.* General Introduction // The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity / Ed. by L.S. Cobb. Oakland (CA): University of California Press, 2021. P. 1–16.
- Farina 2009 – *Farina W.* Perpetua of Carthage: Portrait of a Third-Century Martyr. Jefferson (NC); London: McFarland & Company, 2009. 267 p.
- Fridh 1968 – *Fridh Å.* Le problème de la Passion des saintes Perpétue et Félicité. Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1968. 88 p.
- Gold 2018 – *Gold B.K.* Perpetua: Athlete of God. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018. 261 p.
- Gonzalez 2014 – *Gonzalez E.* The Fate of the Dead in Early Third Century North African Christianity. The ‘Passion of Perpetua and Felicitas’ and Tertullian. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. 253 p.
- Heffernan 2012 – *Heffernan T.J.* The Passion of Perpetua and Felicity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 592 p.
- Heffernan 2016 – *Heffernan T.* The Legacy of Misidentification: Why the Martyrs in the Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis were not from Thuburbo Minus // Journal of Early Christian History. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 126–151.
- Kitzler 2015 – *Kitzler P.* From “Passio Perpetuae” to “Acta Perpetuae”: Recontextualizing a Martyr Story in the Literature of the Early Church. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. 159 p.
- Shaw 2020 – *Shaw B.* Doing It in Greek: Translating Perpetua // Studies in Late Antiquity. 2020. Vol. 4. No. 3. P. 309–345.
- Tabbernee 2007 – *Tabbernee W.* Fake Prophecy and Polluted Sacraments: Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism. Leiden, Boston: Brill, 2007. 485 p.
- Trevett 1996 – *Trevett C.* Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 299 p.

References

- Amat, J. (1996), “Introduction”, *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes*, Les éditions du Cerf, Paris, France, pp. 19–94.
- Barnes, T.D. (2010), *Early Christian Hagiography and Roman History*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.

- Bowersock, G. (1995), *Martyrdom and Rome*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Bremmer, J. (2017), *Maidens, Magic and Martyrs in Early Christianity: Collected Essays I*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Butler, R. (2006), *The New Prophecy and "New Visions": Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas*, Catholic University of America Press, Washington (DC), USA.
- Cobb, L.S. (2021), "General Introduction", *The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity*, University of California Press, Oakland (CA), USA, pp. 1–16.
- Farina, W. (2009), *Perpetua of Carthage: Portrait of a Third-Century Martyr*, McFarland & Company, London, UK, Jefferson (NC), USA.
- Fridh, Å. (1968), *Le problème de la Passion des saintes Perpétue et Félicité*, Elanders boktryckeri aktiebolag, Göteborg, Sweden.
- Gold, B.K. (2018), *Perpetua: Athlete of God*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA.
- Gonzalez, E. (2014), *The Fate of the Dead in Early Third Century North African Christianity. The "Passion of Perpetua and Felicitas" and Tertullian*. Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Heffernan, T. (2016), "The Legacy of Misidentification: Why the Martyrs in the Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis were not from Thuburbo Minus", *Journal of Early Christian History*, vol. 6, no. 3, pp. 126–151.
- Heffernan, T.J. (2012), *The Passion of Perpetua and Felicity*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA.
- Kitzler, P. (2015), "From 'Passio Perpetuae' to 'Acta Perpetuae': Recontextualizing a Martyr Story in the Literature of the Early Church", De Gruyter, Berlin, Germany, Boston, USA.
- Kryukova, A. (2013), "Poetika snovideniy v rannekhristsianskoy literature: na materiale 'Muchenichestva Perpetui i Felitsiaty', 'Muchenichestva Mariana i Iakova' i 'Muchenichestva Montana, Lutsiya, Flaviana i drugikh muchenikov'" [The Poetics of Dreams in Early Christian Literature. On the base of the Passion of Perpetua and Felicity, the Martyrdom of Marian and James, and the Martyrdom of Montanus, Lucius, Flavian and Others], Ph.D. Thesis (Philology), MGU, Moscow, Russia.
- Lebedev, P. (2021), " 'Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis' and the Question of the Persecution of Christians in the Roman Empire under Septimius Severus", *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 4 (70), pp. 104–112.
- Panteleev, A. (ed.) (2017), "The Passion of Sts. Perpetua and Felicity", *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniya* [Early Martyrdom. Translations, Commentaries, Research], Gumanitarnaya Akademiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 238–244.
- Sergeyeva, E. (2013) "The Conflict of Identities in the Martyrium of Saint Perpetua and Felicitas", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 17 (118), pp. 37–53.
- Shaw, B. (2020), "Doing It in Greek: Translating Perpetua", *Studies in Late Antiquity*, vol. 4, no. 3, pp. 309–345.

Tabbernee, W. (2007), *Fake Prophecy and Polluted Sacraments: Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.

Trevett, C. (1996), *Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Павел Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lebedevp235@gmail.com

Information about the author

Pavel N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lebedevp235@gmail.com